

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

УДК 94

THE RELATIONSHIPS OF THE FIRST MALIKS OF EGYPT IN THE EARLY BAHRITE PERIOD WITH QADIS (1250-1260)

ОТНОШЕНИЯ ПЕРВЫХ МАЛИКОВ ЕГИПТА РАННЕБАХРИТСКОГО ПЕРИОДА С КАДИЯМИ (1250-1260)

А.А. Филиппов

Белорусский государственный университет

alexfilippov1983@gmail.com

Submission Date: 04.06.2018

Аннотация

Данная статья посвящена анализу различных аспектов внутренней политики и внутреннего устройства раннебахритского государства в период нахождения у власти первых раннебахритских маликов, начиная от Шаджарат ад-Дурр [1250] и заканчивая аль-Мудзаффаром Кутузом [1259-1260]. Поднимается вопрос о наличии «политики/ политического курса» у первых мамлюкских правителей и проблема соотношения таких базовых понятий как «siyāsa(t)» (политика) и «sharī'a(t)» (религиозный закон). Автор делает вывод о том, что первые мамлюкские правители следовали тем институциональным основам взаимоотношений между правителем и кадиями, которые существовали еще во время правления ас-Салиха Наджм ад-Дина, избегая каких-либо изменений в этой области. Данные взаимоотношения основывались на делегировании полномочий по линии халиф – султан – кадий кадиев. В качестве основного проводника политического курса первых мамлюков выступал Бадр ад-Дин ас-Синджари.

Ключевые слова: раннебахритское государство, политический курс, религиозный закон, мамалюки, кадии.

Abstract

The paper is devoted to the analysis of different aspects of inner policy and internal structure of the early Bahrite state in the period of power of the first early Bahrite maliks with Shadzharat ad-Durr [1250] to have been the first and Al-Moudzaffar Kutuz [1259-1260] as the last. Raised is the question of whether the first mamluk rulers had actual policy/political course or not; also considered is the problem of

correlation of the notions of “siyāsa(t)” (policy) and “sharī‘a(t)” (religious law). The author’s conclusion is that the first mamluk rulers followed the same basis of the relationships between the ruler and Qadis which had existed in the times of as-Salikh Nadzhm ad-Din, not allowing any changes in the given sphere. The relationships were based on delegation of power on the line khalif – sultan – qadi. The main facilitator of the first mamluks’ political course was Badr ad-Din as-Sindzhari.

Keywords: *the early Bahrite state, political course, religious law, mamluks, qadis.*

For citation: *Filippov, A.A. (2018). Otnosheniia pervykh malikov Egipta rannebakhritskogo perioda s kadiiami 1250-1260 [The relationships of the first Maliks of Egypt in the early Bahrite period with Qadis (1250-1260)]. Eurasian Arabic Studies, 3, 105-119.*

ВВЕДЕНИЕ

Изучение различных аспектов внутренней политики и внутреннего устройства раннебахритского государства представляет одно из самых сложных направлений исследования.

Во-первых, в той или иной степени возникает вопрос о наличии «политики / политического курса» у первых мамлюкских правителей. Безусловно, по целому ряду направлений у них были стратегические цели, а также более-менее ясное представление о путях их достижения. В отличие от ряда аспектов, связанных с формированием и легитимацией институтов власти, а также ведения внешней политики в условиях монгольской угрозы, мамлюкские источники в гораздо меньшей степени информативны по поводу отдельных аспектов взаимодействия между правителями и невоенными социально-политическими группами в Египте.

Как отмечал Шерман Джексон, большинство мамлюкских источников излагают события с внешнеполитической точки зрения, зачастую отодвигая на второй план вопросы внутренней политики [Jackson, 1995, p. 52].

Вторая сложность связана с проблемой соотношения таких базовых понятий как «siyāsa(t)» (политика)²² и «sharī‘a(t)» (религиозный закон). Причины этому понятны: в принципе, любое действие или решение мамлюкских правителей объяснялось через ту или иную религиозную составляющую. Более того, весь

²² Безусловно, перевод этого термина как «политика» сугубо условен и обусловлен его пониманием в современном арабском языке. Применительно к рассматриваемому периоду возможны другие переводы. Например. Йосеф Рапорт переводит как «royal justice» [Raport, 2012, p. 71]. Есть варианты оставлять термин без перевода.

исторический процесс в целом, а значит, все события, происходившие в регионе, переосмысливались через религиозную парадигму (хотя, конечно, это не отменяет наличие и вполне материальных причин и аргументов).

Как подчеркивал Джонатан Берки, «ислам – это в одинаковой степени и государство, и религия» [Berkey, 2009, p. 7], а в отношении мамлюков более уместно было бы говорить о religious policies, чем об одной religious policy [Berkey, 2009, p. 8].

Йосеф Рапопорт посвятил специальное исследование, посвященное соотношению «*siyāsa(t)*» и «*sharī'a(t)*» в мамлюкском государстве (Rapoport, 2012). Однако акцент в этой работе сделан на правосудии «*siyāsa(t)*», которое в мамлюкских источниках начинает фиксироваться только с 1320-х гг. [Rapoport, 2012, p. 92], будучи одним из ключевых элементов фиксируемого со времен аз-Захира Бейбарса постепенного роста контроля государства над судебной системой [Rapoport, 2012, p.100]. О взаимоотношении же первых мамлюкских правителей с судебной системой Й. Рапопорт практически ничего не говорит.

Безусловно, понятие «*siyāsa(t)*» не сводилось исключительно к организации правосудия. Со времен Низам аль-Мулька (1018 или 1019/1020 – 1092), везира Великих Сельджуков в исламском мире сформировалось развитое понимание этого концепта. Воплощением этого стала его книга «Сиасет-наме» (также известная под названием «*Seiar al-Mulūk*» («Жизнь маликов»)) [Khōje Nizām al-Mulk, 1962].

В отношении кадиев Низам аль-Мульк называет их «наибами государя» (падишаха) [Khōje Nizām al-Mulk, 1962, p.59], назначаемыми непосредственно им и получаемыми за это жалование [Khōje Nizām al-Mulk, 1962, p. 56].

Следует отметить, что некоторые исследователи оспаривают релевантность этой работы для понимания процессов, происходящих в мамлюкском государстве, аргументируя это тем, что у мамлюков не было необходимости открытого противостояния с шиитскими доктринами, то есть, тех условий, в которых Низам аль-Мульк создавал свое произведение [Berkey, 2009, p. 8]. Сам термин (хотя его значение и эволюционировало) был известен в мусульманском мире, безусловно, гораздо раньше периода жизни Низам аль-Мулька [Minhajī, 2008, p. 95]. Так, сам термин «наиб падишаха» в отношении кадиев является нерелевантным для мамлюкского периода, так как существовал сложившийся институт «наиб султана», а на эту должность назначались исключительно мамлюкские эмиры.

С другой стороны, Низам аль-Мульк жил во времена становления системы отношений «халиф-султан», системы, занимавшей центральное место в

становлении и устройстве раннебахритского государства. Как отмечает В.Л. Гордлевский, «Сиасет-наме» пользовалось огромным авторитетом в государстве Сельджуков в Малой Азии [Гордлевский, 1941, с. 69], а сам характер изложения материала у Бейбарса аль-Мансури показывает, что устройство и политика этого государства находились в центре внимания мамлюкских правителей.

В историографии подчеркивается важность изучения взаимоотношений правителя с «религиозной элитой» [Lev, 2009, р. 1]. Яков Лев подчеркивает, что возникает вопрос о том, кого конкретно подразумевать под «религиозной элитой» относительно мамлюкского государства. В качестве условного компромиссного термина в мамлюковедении часто используется термин «улемы» [Lev, 2009, р. 1], которые, естественно, является неправильным по сути.

В современных арабских исторических исследованиях широко используется термин «rijāl al-dīn» (мужчины религии) [см., например: Альтарауне. 2010; Аси; Иктималь, 2008; Мухаммад Армуш, 2018], что вызывает резкое неприятие фундаменталистов, подчеркивающих, что этот термин проник в арабский язык в период колониальной экспансии Запада (Выражение «мужчины религии»..., 2018). В мамлюкских источниках этот термин не встречается.

Учитывая важность института кадиев в устройстве мусульманских государств, в целом, а также то внимание, которое этому институту уделяли мамлюкские правители на протяжении всей истории государства, предметом рассмотрения в настоящей работе и стали взаимоотношения между правителями и кадиями.

Данная работа посвящена периоду нахождения у власти первых раннебахритских маликов, начиная от Шаджарат ад-Дурр [1250] и заканчивая аль-Мудзаффаром Кутузом [1259-1260].

Сам выбор периода накладывает дополнительные сложности. Данная группировка проиграла в борьбе за власть фракции аль-Бахри, не оставив после себя официальной историографии. Все источники по данному десятилетию были написаны самое раннее при аз-Захире Бейбарсе [1260-1277], а значит, определенные сюжеты, касающиеся противников аль-Бахри, могут быть представлены в сильно искаженном виде.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В качестве основных **источников** для написания настоящей работы были использованы следующие исторические хроники: «Сливки мысли в истории хиджры» (Zubdat al-Fikra fī Ta'rikh al-Hijra) Бейбарса аль-Мансури ан-Насири

(ум. 1325) и «Книга путей для познания государств маликов» (Kitāb al-Sulūk li-maʿrifat duwal al-mulūk) Ахмада Ибн Али аль-Макризи (1364-1442).

Информация источников по вопросам взаимоотношения маликов и кадиев скупая и разрозненная. Основной акцент сделан на религиозно-исторической миссии тюрок по защите ислама от неверных (под последними подразумевались, прежде всего, монголы²³). В частности, необходимость возглавить эту борьбу использовалась в качестве аргументов для низложения малолетних маликов аль-Ашрафа Мусы [1250-1254] и аль-Мансура Али [1257-1259]. Более того, этот концепт в мамлюкских хрониках в полном виде был сформулирован при аз-Захире Бейбарсе, неизвестно, до какой степени он был принят первыми мамлюкскими правителями.

РЕЗУЛЬТАТЫ

К началу рассматриваемого периода институт кадия был вполне сложившимся и одним из ключевых институтов в организации мусульманских государств. Так, кадий представлял собой представителя власти, уполномоченного (в идеале – халифом) на осуществление правосудия [Ḳāḍī, 1997, p. 373]. Помимо судопроизводства, кадий осуществлял и другие функции. Наиболее хронологически близким к рассматриваемому периоду является перечисление функций Ибн Халликана, назначенного в 659 г.х. (1260-1261 гг.)²⁴ аз-Захиром Бейбарсом кадием в Сирию [Lev, 2009, p. 4]:

- назначать заместителей по своему усмотрению;
- контролировать вакфы многих мечетей;
- контролировать благотворительные учреждения;
- контролировать медресе.

Со времен правления халифа Харун ар-Рашида (VIII в.) формируется институт «кадия кадиев» - верховного судьи в Багдаде, назначаемого халифом [Ḳāḍī, 1997, p. 374]. Со времен Фатимидского халифата распространяется практика,

²³ Степень, в которой в эту схему вписывались крестоносцы, остается дискуссионной в исторической науке. В целом, есть консенсус среди исследователей, что политику в отношении крестоносцев в конце заявленного периода следует рассматривать в контексте противодействия монгольской угрозы. Различные мнения существуют по вопросу о том моменте, когда это произошло. Рейвен Амитай указывает 1264 г. (Amitai, 2005), в то время как автор данной статьи считает, что окончательное решение по государствам крестоносцев в Палестине было принято в период короткого правления аль-Мудзаффара Кутуза [1259-1260]. Тем не менее, нужно понимать, что в законченном виде это концепция фигурирует в источниках, появившихся после рассматриваемого в настоящей работе периода. Неизвестно, в какой степени она была сформирована при первых мамлюкских правителях.

²⁴ Так как назначение произошло до судебной реформы аз-Захира Бейбарса, эту информацию можно считать вполне релевантной и для определения функций кадиев в рассматриваемый в настоящей работе период.

чтобы каждое государство имело своего кадия кадиев [Ḳāḍī, 1997, p. 374]. Считалось, что полномочия кадия кадиев делегируются от халифа [Ḳāḍī, 1997, p. 374].

В контексте делегирования судебной власти от халифа ключевую роль играла фигура султана, у которого, как отмечает Берки, находилась высшая судебная власть [Berkey, 2005, p. 14]. Зримым воплощение высшей судебной власти султана являлся Dār al-‘Adl, в котором проводились публичные слушания один или два раза в неделю для рассмотрения жалоб поданных, на которых, как правило, председательствовал сам правитель или уполномоченное им лицо [Rabbat, 1995, p.3]. По факту, Dār al-‘Adl являлся феноменом, возникшим во второй половине XII века для демонстрации строгой приверженности исламу со стороны правителей [Rabbat, 1995, p.4]. Кроме того, появление этого института, по-видимому, служило маркером формирования нового качества отношений «халиф-султан», в наиболее полной степени реализованных в государстве Аййубидов.

Всего известно пять таких институций: построенный в 1163 г. в Дамаске Нур ад-Дин Махмудом Ибн Занги, построенный в 1189 г. в Халебе Захиром Гази, построенный в 1207 г. в Каире аль-Камилем Мухаммадом, построенный в 1262 г. в Каире аз-Захиром Бейбарсом и построенный в 1315 г. в Каире ан-Насиром Мухаммадом [Rabbat, 1995, p.3].

Основной функцией Dār al-‘Adl было служить местом для проведения судебных заседаний al-maẓālim, на которых присутствовали правитель либо его наибы. В домамлюкский период основной задачей этих заседаний был разбор спорных случаев, чтобы избежать злоупотреблений властью [Rappoport, 2012, p.75]. Первоначально на сессиях al-maẓālim председательствовали халифы [Maẓālim, 1997, p.934]²⁵. Председательство других лиц (например, везира) сразу приводили к дискуссиям о противопоставлении al-maẓālim шариату [Maẓālim, 1997, p.934; Fuess, 2009, p.121].

Очевидно, что вся эта система основывалась на концепции делегирования определенных полномочий от халифа к кадию кадиев, а затем и от халифа к султану. Центральной фигурой, таким образом, становился халиф в Багдаде. С прекращением правления Аййубидской династии в Египте неизбежно встал вопрос о признании новых правителей халифом.

Основной задачей, стоявшей перед первыми мамлюками, была легализация и легитимация их власти [Филиппов, 2008], что в условиях Египта того времени

²⁵ Аль-Макризи приписывает проведение первых сессий al-maẓālim халифу Али Ибн Абу Талибу [al-Maqrīzī, p.207]

подразумевало использование тюркских механизмов легализации и легитимации (для сплочения всех мамлюков как социальной группы), а также исламских (для позиционирования себя во внешнем мире, а, самое главное, эффективное использование невоенных инструментов государственного управления).

Первые мамлюкские правители, безусловно, пытались установить отношения с халифом в Багдаде и добиться от него легализации своего правления [см. Филиппов, 2008]. Более того, учитывая поддержку, которую посланник халифа шейх аль-Бадирай оказал при разрешении конфликта между лидером аййубидской партии маликом ан-Насиром и мамлюками, можно предположить, что халиф стремился к ослаблению первого, а также к тому, чтобы не допустить нового объединения аш-Шама и Египта. Несмотря на дипломатические усилия мамлюков, таклид халифом так выписан и не был [Филиппов, 2008].

Вопрос о характере отношений между первыми мамлюками и кадиями достаточно скупо освещается в источниках. Бейбарс аль-Мансури практически не дает никакой информации по этому аспекту. Он, а также аль-Макризи отмечают, что после восшествия на престол Шаджарат ад-Дурр ее имя и титул (одним из составных элементов которого было «малика мусульман») стали произноситься в хутбе по всему Египту [al-Maqrīzī, 1997, p. 459]. Халиф был категорически против женщины-правительницы, о чем и отправил соответствующее письмо [al-Maqrīzī, 1997, p. 463-464]. Судя по последующим шагам мамлюков – возведение на трон малолетнего малика аль-Ашрафа Мусу из рода Аййубидов – позиция халифа была для них более, чем значимой.

В этой истории интересно то, что сам титул Шаджарат ад-Дурр уже сам по себе был вызовом сложившейся в мусульманском мире политической традиции [Филиппов, 2017]. Тот факт, что хутба с этим титулом была прочитана, демонстрирует готовность египетской религиозной элиты к сотрудничеству с новыми правителями. Можно спорить о роли и значимости позиции халифа, но позиция сирийских Аййубидов очевидно не была решающей для египетской религиозной элиты. Аль-Макризи также сообщает, что аль-Муизз Айбек объявил Каир и Египет «страной Аббасидского халифа аль-Мустансира би-ллахи²⁶» [al-Maqrīzī, 1997, p. 454]. Конкретное нормативное наполнение этой формулировки остается неясным. Бейбарс аль-Мансури так пишет об этом: «И в этом году послал малик аль-Муизз эмира Шамс ад-Дин Сункура аль-Акра', одного из эмиров, посланником к халифу аль-Муста'асиму (*вариант* – “аль-

²⁶ И аль-Макризи, и аль-Мансури неправильно указывают имя халифа: не аль-Мустансир [1226-1242], а аль-Мустаасим [1242-1258].

Мустансиру», но это ошибка – прим. издателя), повелителю правоверных, в сопровождении посланника халифа шейха Наджм ад-Дин аль-Бадирай, чтобы сообщить тому о своем восшествии на трон Королевства Египетских земель и об устройстве ‘Аббасидского государства и его подчинении с согласия халифа, а также, чтобы ходатайствовать о церемониале облечения властью, жалованной одеждой и знаменем, как у того. И прибыл он в Багдад, и вручил послание, а халиф подготовил ответ на его просьбу и вручил ему с почетом» [Baybars al-Mansūrī, 1998].

С организационной точки зрения осуществления судопроизводства,²⁷ было разделение Египта (Фустата) и Каира, у каждого был свой кадий. В рамках Аййубидского государства кадии кадиев назначались султанами. Первые правители мамлюкского государства, не будучи султанами, сохранили за собой право назначения на эту должность. Однако они были ограничены определенными нормами. Джозеф Эсковитц исследовал практику назначения кадиев кадиев в Каире с 663 г.х. (1265 г.) до завершения бахритского периода [Escovitz, 1983].

Исследователь разделил все причины назначений на следующие группы: nepotизм (6 назначений), карьерный рост (то есть, с должности заместителя кадия кадиев – 5 назначений), комбинация nepotизма и карьерного роста (5 назначений), патронаж (9 назначений), заслуги (3 назначения), разное (3 назначения) [Escovitz, 1983 р. 147, 168]. Конечно, формально выборка Дж. Эсковитца не охватывает рассматриваемый в настоящей статье период, однако демонстрирует ограниченность возможностей мамлюкских правителей при назначении кадиев кадиев даже после перенесения халифата в Каир. Более того, доминирующим мазхабом являлся шафиитский мазхаб, исключительно представители которого и назначались на должность кадия кадиев.

В 648 г.х. (1250/1251), то есть, почти сразу же после прихода мамлюков к власти и установления совместного правления аль-Ашрафа Мусы и аль-Муизза Айбека с должности кадия Каира был смещен Бадр ад-Дин Абу аль-Мухасин Йусуф бен аль-Хасан ас-Синджари, а вместо него на эту должность был назначен Имад ад-Дин Абу аль-Касим бен аль-Муканшаа бен аль-Кутб аль-Хамави. Последний вскоре был повышен до кадия Египта (вакансия появилась в результате естественной смерти предыдущего кадия), но вскоре возвращен на должность кадия Каира, а кадием Египта стал Садр ад-Дин Маухуб аль-Джазари [al-Maqrīzī, 1997, р. 465]. Однако спустя непродолжительное время, в

²⁷ Необходимо понимать, что термин «судопроизводство» по отношению к рассматриваемому периоду необходимо трактовать максимально широко. По существу, речь идет о санкционировании любых решений в рамках государственного управления.

этом же году Бадр ад-Дин ас-Синджари был восстановлен на должности кадия Каира, а аль-Кутб аль-Хамави – на должности кадия Египта [al-Maqrīzī, 1997, p. 466]. Практически сразу же после этого должности кадия Каира и Египта были объединены для ас-Синджари, а аль-Кутб покинул свой пост [al-Maqrīzī, 1997, p. 466]. Фактически, аль-Муизз консолидировал судебную деятельность в стране в руках одного человека, причем доверенного лица бывшего малика ас-Салиха. Противник аль-Муизза, лидер фракции аль-Бахри Фарис ад-Дин Актай в это время арестовал кадия Садр ад-Дин Кади Амада, одного из влиятельнейших лиц при ас-Салихе [al-Maqrīzī, 1997, p. 466].

В начале 1251 г. произошла битва между войсками аль-Муизза и ан-Насира. В Каир ошибочно пришло известие о победе ан-Насира. Немедленно по всем мечетям была прочитана хутба с упоминанием имени ан-Насира [al-Maqrīzī, 1997, p. 470]. Аль-Макризи особо упоминает, что шейх соборной мечети Каира Изз ад-Дин Ибн Абд ас-Салам ограничился «двумя легкими хутбами» [al-Maqrīzī, 1997, p. 470]. Безусловно, поведение тех или иных улемов в этой ситуации дало аль-Муиззу Айбеку основания поддерживать или не поддерживать тех или иных представителей религиозной элиты.

В рамадан 654 г.х. (осень 1256 г.) ас-Синджари смещен со своей должности, а объединенная должность кадия в итоге отдана Ибн Бинт аль-Ааззу [Jackson, 1995, p. 61]. В 1257 г. кадием Каира опять стал ас-Синджари [Jackson, 1995, p. 61].

Следующим шагом стало назначение аль-Муиззом Айбеком в 655 г.х. (1257/1258) господином суда на Египетских землях вместо Бадр ад-Дин ас-Синджари Тадж ад-Дин Ибн Бинт аль-Аазза. В 657 г.х. (1259) аль-Мудзаффар Кутуз сместил Ибн Бинт аль-Аазза с должности господина суда, вернув на должность Бадр ад-Дин ас-Синджари, а в 659 г.х. (1261) Ибн Бинт аль-Аазза на этой должности восстановил аз-Захир Бейбарс [Lev, 2009, p. 15].

Шерман Джексон считает, что ас-Синджари воспринимался как символ правления малика ас-Салиха [Jackson, 1995, p. 61], в то время как пик домамлюкской карьеры у Ибн Бинт аль-Аазза пришелся на время правления малика аль-Камиля [1218-1237], а при ас-Салихе он быстро потерял свое влияние [Jackson, 1995, p. 59].

Следует отметить, что помимо собственной высочайшей репутации среди улемов Ибн Бинт аль-Аазз пользовался поддержкой со стороны виднейшего сирийского шафиитского улема Изз ад-Дин бен Абд ас-Салам (1181\1182-1262) [Jackson, 1995, p. 60]. Последний вступил в конфликт с сирийскими Аййубидами [Jackson, 1995, p. 60], что, безусловно, ослабляло их претензии на Египет как минимум в глазах Ибн Бинт аль-Аазза и большинства шафиитских улемов.

По существу, мамлюкские правители оказались перед нелегким выбором – между менее авторитетным, но ближе знакомым им и более гибким к желаниям центральной власти ас-Синджари с одной стороны, и пользующимся огромным авторитетом в Египте и Сирии, но и одновременно более независимым в принятии решений Ибн Бинт аль-Ааззом.

Можно осторожно предположить, что самые первые кадровые назначения аль-Муизза Айбека (аль-Кутб и аль-Джазари) были вызваны его желанием поставить полностью подконтрольных ему кадиев. Реальность показала, что в рассматриваемый период ключевыми фигурами в шафиитском мазхабе оставались ас-Синджари и Ибн Бинт аль-Аазз, авторитет которых нельзя было игнорировать назначением других лиц.

Сложно однозначно сделать вывод о том, чем конкретно были вызваны постоянные кадровые рокировки между Ибн Бинт аль-Ааззом и ас-Синджари. Частично это могло объясняться изменениями во внешнеполитической ситуации (в частности, после вторжения монголов в Египет хлынули потоки улемов из Сирии и Ирака, которые, по-видимому, в большей степени ориентировались на авторитет Ибн Бинт аль-Аазза). Частично это может объясняться особенностями внутренней политики. Так, перед походом против монголов аль-Мудзаффар Кутуз резко поднял налоги, мотивируя это необходимостью собрать средства на войско. Неизвестна позиция Ибн Бинт аль-Аазза по этому вопросу, но даже ас-Синджари занял неоднозначную позицию касательно данного решения малика [Jackson, 1996, p.10].

Следует отметить, что за редким исключением мамлюкские источники максимально корректны и во многом апологетичны по отношению ко всем улемам, а кадровые передвижения кадиев, как правило, фиксируются, но не комментируются.

Кадровые изменения кадиев Каира и Египта в корреляции с основными внутре- и внешнеполитическими событиями приведены в следующей таблице²⁸:

Таблица 1. Кадровые изменения кадиев Каира и Египта

Год	Кадий в Каире	Кадий в Египте	События
648 г.х. 1250\1251	Ас-Синджари	Афдаль ад-Дин	Приход мамлюков к власти, борьба между ас-Салихия или аль-Бахрия, борьба с сирийскими Аййубидами. Укрепление власти аль-
	Аль-Кутб	аль-Хаванджи	
Осень 1250 ²⁹	Аль-Кутб	Аль-Кутб	
	Ас-Синджари	Аль-Джазари	
		Аль-Кутб	

²⁸ Таблица составлена на основе сведений аль-Макризи

²⁹ Чуть позже аль-Макризи датирует объединение должностей началом 649 г.х. (1251 г.),

	Ас-Синджари	Муизза.
650 г.х. 1252\1253		Ас-Синджари ведет переговоры с послом халифа, шейхом аль-Бадираи. Имя аль-Ашрафа удаляется из хутбы
654 г.х. 1256	Ас-Синджари	Способствует заключению мира с ан-Насиром. Аль-Бадираи возвращается в Багдад
	Ибн Бинт аль-Аазз	
655 г.х. 1257		Переговоры о браке аль-Муизза с дочерью правителя Мосула.
655 г.х. 1257	Ас-Синджари	Восшествие на престол Нур ад-Дин Али. Фактическое правление Кутуза. Ибн Бинт аль-Аазз вскоре назначен везирем. Смещен с должности после восшествия на престол Кутуза.

Приведенная таблица отчетливо демонстрирует, что доминирующие позиции в судопроизводстве при первых мамлюкских правителях занимал Бадр ад-Дин ас-Синджари, который, по-видимому, был близок к фракции ас-Салихия, а также смог наладить выгодные для мамлюков контакты с халифом в Багдаде. Ибн Бинт аль-Аазз, судя по всему, смог использовать свои связи среди элиты в аш-Шаме (переговоры о браке между аль-Муиззом Айбеком и дочерью правителя Мосула), а также высокий авторитет в шафиитском мазхабе. Тем не менее, Ибн Бинт аль-Аазз не смог сделать устойчивую карьеру при первых мамлюках, что, безусловно, стало выигрышным моментом в глазах аз-Захира Бейбарса после прихода к власти последнего.

Аль-Мудзаффар Кутуз был единственным маликом в рассматриваемый период, кто принадлежал к ханафитскому мазхабу, остальные либо принадлежали, либо переходили к шафиитскому мазхабу [Jackson, 1995, p. 55], представитель которого и был главным кадием до реформы аз-Захира Бейбарса [Jackson, 1995, p. 53]. Помимо судебных функций, шафииты сохраняли контроль над вакфами, казной и опеку над сиротами [Jackson, 1995, p. 53].

Безусловно, важным вопросом является проведение первыми мамлюкскими правителями сессий al-maẓālīm, которые выступают своего рода индикатором устойчивости отношений между правителем и кадиями. Бейбарс аль-Мансури таких сведений не сообщает вообще. Нассер Раббат со ссылкой на аль-Макризи

указывает, что аль-Муизз Айбек уполномочил на проведение сессий al-maẓālīm эмира Айдакина аль-Бундукдари [Rabbat, 1995, p.12]. Однако соответствующие фрагменты из произведения аль-Макризи «Kitāb al-Mawāʿiẓ wa al-Iʿtibār bi-Zhikr al-Khiṭ aṭ wa al-Athār» дают неоднозначную информацию. Так, в первом случае при описании самого института al-maẓālīm аль-Макризи отмечает, что «после поражения малика ан-Насира и установления деспотического (istabadda) правления малика аль-Муизза Айбека его везирь значительно обновил пошлины» [al-Maqrīzī, p. 208]. Нет прямого указания на председательствование на сессиях al-maẓālīm, хотя по отношению к другим маликам об этом говорится напрямую. Второй фрагмент относится к описанию медресе ас-Салихия. Прямо указывается, что малика аль-Муизз уполномочил эмира Ала ад-Дин Айдакина аль-Бундукдари ас-Салихи председательствовать на сессиях al-maẓālīm [al-Maqrīzī, p.374; al-Maqrīzī, 1997, p. 467]. Однако это произошло в 648 г.х., то есть, во время соправления с последними Аййубидами.

ВЫВОДЫ

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

Первые мамлюкские правители, в целом, следовали тем институциональным основам взаимоотношениям между правителем и кадиями, которые существовали еще во время правления ас-Салиха Наджм ад-Дина, избегая каких-либо изменений в этой области.

Данные взаимоотношения основывались на делегировании полномочий по линии халиф – султан – кадий кадиев, что ставило первых мамлюкских правителей перед необходимостью скорейшего получения таклида от халифа.

В качестве основного проводника политического курса первых мамлюков выступал Бадр ад-Дин ас-Синджари, который также смог наладить выгодные контакты с халифом в Багдаде. Определенной проблемой для первых мамлюкских правителей было обойти фигуру Ибн Бинт аль-Аазза, пользовавшегося большим авторитетом в шафиитском мазхабе как в Египте, так и за пределами страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. المقریزی، أحمد بن علي. (1998). كتاب المواعظ و الإعتبار بذكر الخطط والآثار. بيروت.
2. المقریزی، أحمد بن علي. (1997). السلوك لمعرفة دول الملوك. بيروت.

3. Amitai, R. (2005). The Conquest of Arsuf by Baybars: Political and Military Aspects: *Mamluk Studies Review*, Vol. 9, № 1, 61–83.
4. Al-Mansūrī, Baybars (1998). *Zubdat al-Fikra fī Ta’rīḥ al-Hijra*, Berlin-Beirut.
5. Berkey, J.P. (2009). Mamluk Religious Policy: *Mamluk Studies Review*, Vol. 13, № 2, 7–22.
6. Escovitz, J.H. (1983). Patterns of Appointment to the Chief Judgeships of Cairo During the Bahrī Mamluk Period: *Arabica*, Vol. 30, Iss. 2.
7. Fuess, A. (2009). *Zulm by Maẓ ālim? The Political Implication of the Use of Maẓ ālim Jurisdiction by the Mamluk Sultans: Mamluk Studies Review*, Vol. 13, № 1.
8. Jackson, Sherman A. (1995). The Primacy of Domestic Politics: Ibn Bint al-A‘azz and the Establishment of Four Chief Judgeships in Mamlūk Egypt: *Journal of the American Oriental Society*, Vol. 115, № 1 (Jan. - Mar.), 52–65.
9. Jackson, Sherman A. (1996). *Islamic Law and the State. The Constitutional Jurisprudence of Shihāb al-Dīn al-Qarāfī*, Leiden: Brill.
10. (1997) *Qāḍī: The Encyclopaedia of Islam*, Vol. IV, Leiden: Brill, 373-375.
11. Al-Mulk, Khōje Nizām (1962). *Seiar al-Mulūk*, Tehrān.
12. Lev, Y. (2009). Symbiotic Relations: Ulama and the Mamluk Sultans: *Mamluk Studies Review*, Vol. 13.
13. (1997) *Maẓālim: The Encyclopaedia of Islam*, Vol. VI, Leiden, Brill.
14. Minhaji, A. (2008). *Islamic Law and Local Tradition*, Yogyakarta.
15. Rabbat, Nasser O. (1995). The Ideological Significance of the Dār al-‘Adl in the Medieval Islamic Orient: *International Journal of Middle East Studies*, Vol. 27.
16. Rapoport, Y. (2012). Royal Justice and Religious Law: Siyāsah and Shari‘ah under the Mamluks: *Mamluk Studies Review*, Vol. 16.
17. Альтарауне, М.М. (2010). Общественная жизнь в аш-Шаме в период черкесских мамлюков (784-922 г.х.\ 1382-1516), Амман.
18. Аси Хусейн. Аль-Макризи. Историк исламских государств в Египте. Бейрут.
19. Выражение «мужи религии», используемое среди мусульман и являющееся подражанием христианам —
<https://saaaid.net/daeyat/zadalmaad/91.htm>

20. Гордлевский, В.Л. (1941). Государство Сельджукидов Малой Азии, Москва: Издательство АН СССР.
21. Иктималь, И. (2008). Социально-экономические последствия монгольских походов на земли аш-Шама (1250-1400).
22. Армуш, М. (2018). Открытие окна на дела мамлюков (https://play.google.com/books/reader?id=Mt1RDwAAQBAJ&printsec=frontcover&output=reader&hl=en_GB&pg=GBS.PA95)
23. Филиппов, А.А. (2008). Становление государства мамлюков в Египте (1252-1260): *Вестник БГУ, 2, Серия 3*, 22–25.
24. Филиппов, А.А. (2017). Институт «малика – malik» в Египте в раннебахритский период: *Georgia and New East, X*, Tbilisi: Ilia State University, Tsereteli Institute of Oriental Studies, 278–290.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Al-Maqrīzī, Ahmad ibn ‘Alī (1998). *Kitāb al-Mawā‘iz wa al-I‘tibār bi-Zhikr al-Khiṭ aṭ wa al-Athār*. Beirut. (In Arabic)
2. Al-Maqrīzī, Ahmad ibn ‘Alī (1997). *Kitāb al-Sulūk li-ma‘rifat duwal al-mulūk*, Beirut, Vol. 1. (In Arabic)
3. Amitai, R. (2005). The Conquest of Arsuf by Baybars: Political and Military Aspects: *Mamluk Studies Review, Vol. 9, № 1*, 61–83.
4. Al-Mansūrī, Baybars (1998). *Zubdat al-Fikra fī Ta’rīḥ al-Hijra*, Berlin-Beirut. (In Arabic)
5. Berkey, J.P. (2009). Mamluk Religious Policy: *Mamluk Studies Review, Vol. 13, № 2*, 7-22.
6. Escovitz, J.H. (1983). Patterns of Appointment to the Chief Judgeships of Cairo During the Bahrī Mamluk Period: *Arabica, Vol. 30, Iss. 2*.
7. Fuess, A. (2009). *Ẓulm by Maẓ ālim? The Political Implication of the Use of Maẓ ālim Jurisdiction by the Mamluk Sultans: Mamluk Studies Review, Vol. 13, № 1*.
8. Jackson, Sherman A. (1995). The Primacy of Domestic Politics: Ibn Bint al-A‘azz and the Establishment of Four Chief Judgeships in Mamlūk Egypt: *Journal of the American Oriental Society, Vol. 115, № 1 (Jan. - Mar.)*, 52–65.
9. Jackson, Sherman A. (1996). *Islamic Law and the State. The Constitutional Jurisprudence of Shihāb al-Dīn al-Qarāfī*, Leiden: Brill.

- 10.(1997) *Ḳāḍī: The Encyclopaedia of Islam, Vol. IV*, Leiden: Brill, 373-375.
- 11.Al-Mulk, Khōje Nizām (1962). *Seiar al-Mulūk*, Tehrān.
- 12.Lev, Y. (2009). Symbiotic Relations: Ulama and the Mamluk Sultans: *Mamluk Studies Review, Vol. 13*.
- 13.(1997) *Mazālim: The Encyclopaedia of Islam, Vol. VI*, Leiden, Brill.
- 14.Minhaji, A. (2008). *Islamic Law and Local Tradition*, Yogyakarta.
- 15.Rabbat, Nasser O. (1995). The Ideological Significance of the Dār al-‘Adl in the Medieval Islamic Orient: *International Journal of Middle East Studies, Vol. 27*.
- 16.Rapoport, Y. (2012). Royal Justice and Religious Law: Siyāsah and Shari‘ah under the Mamluks: *Mamluk Studies Review, Vol. 16*.
- 17.Altarawneh, M. M. (2010). Public life in al-Sham during the Circassian Mamluks (784-922 / 1382-1516), Amman.
- 18.Hussein, A. *Al-Makrizi. History scholar of Islamic States in Egypt*. Beirut.
- 19.The expression "men of religion", used among Muslims as the imitation of the Christians. Retrieved from: <https://saaaid.net/daeyat/zadalmaad/91.htm>
- 20.Gordlevsky, V. L. (1941). *Seljuk State of Asia Minor*, Moscow: Publishing house of USSR Academy of Sciences. (In Russian)
- 21.Iktimal, I. (2008). Socio-economic consequences of the Mongol campaigns on the lands of al-sham (1250-1400). (In Arabic)
- 22.Armush, M. (2018). Opening Windows in the case of the Mamluks (https://play.google.com/books/reader?id=Mt1RDwAAQBAJ&printsec=frontcover&output=reader&hl=en_GB&pg=GBS.PA95) (In Arabic)
- 23.Filippov, A. (2008). The establishment of the state of the Mamluks in Egypt (1252-1260): *Bulletin of the Belarusian state University*, 2 (3), 22-25. (In Russian)
- 24.Filippov, (2017). Malik Institute in Egypt in the early Bahri period: Georgia and New East, X, Tbilisi: Ilia State University, Tsereteli Institute of Oriental Studies, 278-290. (In Arabic)

Information about the author

Candidate of political science Aleksandr Anatolevich Filippov
Belarusian State University
alexfilippov1983@gmail.com